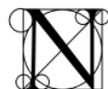

БРЭМ
СТОКЕР

ДРАКУЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С81

Серия «Книга на все времена»

Перевод с английского *Т. Красавченко*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Воронина

Стокер, Брэм.

С81 Дракула : [роман] / Брэм Стокер ; [перевод с английского Т. Красавченко]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (Книга на все времена).

ISBN 978-5-17-161060-9

Десятки всевозможных экранизаций.

Образ, растиражированный в мировой культуре, как, наверное, ни один другой.

Роман, ставший основой всей «готической» субкультуры и краеугольным камнем различных направлений в фантастической литературе.

О «Дракуле» Брэма Стокера можно говорить бесконечно, но лучше просто открыть бессмертный роман о зловещем и загадочном трансильванском графе-вампире и погрузиться в его причудливую, таинственную и завораживающую атмосферу.

В данном издании представлен полный перевод, подготовленный для серии «Литературные памятники».

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. Т. Красавченко, 2023

ISBN 978-5-17-161060-9

© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Моему дорогому другу Хомми Бегу**

Прочитав книгу, вы поймете, как она создавалась. В ее основе — записи о непосредственно происходивших событиях, представленных с точки зрения и в пределах понимания их участников. Все изложено именно так, как было, хотя ныне кажется невероятным.

* Хомми Бег, т.е. Малыш Томми, — дружеское прозвище на мэнском диалекте близкого друга Б. Стокера — романиста Холла Кейна (1853—1931), отец которого был родом с острова Мэн. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Глава I

Дневник Джонатана Гаркера

(сохранившийся в стенографической записи)

Выехал из Мюнхена в 20:35 1 мая и ранним утром следующего дня был в Вене; поезд вместо 6:46 пришел на час позже, поэтому в Будапеште время стоянки предельно сократили, и я боялся отойти далеко от вокзала; из окна вагона и после небольшой прогулки по улицам город показался мне очень красивым. Такое чувство, будто покидаешь Запад и встречаешься с Востоком; самый западный из великолепных мостов через необычайно широкий и глубокий в этом месте Дунай перенес нас в мир, еще сохраняющий следы турецкого владычества.

Из Будапешта мы выехали почти по расписанию и с наступлением темноты прибыли в Клаузенбург, где я остановился в гостинице «Ройал»*. На обед, или, вернее, на ужин, подали цыпленка, оригинально приготовленного с красным перцем, очень вкусного, но после него хотелось пить. (Не забыть взять рецепт для Мины.) Официант сказал, что это национальное блюдо, «*ragika hendl*»**, и в Карпатах его подают везде. Мое скромное знание немецкого здесь очень пригодилось; просто не знаю, как бы я без него обходился.

В последний раз в Лондоне у меня осталось немного свободного времени, и я побывал в библиотеке Британ-

* От *англ.* royal — королевская.

** Курица с паприкой.

6 ского музея — полистал книги по Трансильвании, посмотрел ее географические карты, понимая, что некоторые познания об этой области будут нелишними в моем общении с трансильванским аристократом Дракулой, к которому мне надо было вскоре выехать по делам. Я выяснил, что он живет на самом востоке страны, на границе трех областей — Трансильвании, Молдавии и Буковины, в глубине Карпат — в одном из самых малоизвестных и наименее тронутых цивилизацией мест Европы. Однако ни по картам, ни по другим источникам не удалось установить, где именно расположен замок Дракулы, — подробных карт этой области, сравнимых с картами нашего Британского Государственного картографического управления, до сих пор нет. Но я узнал, что упомянутая графом Дракулой Бистрица, почтовый городок, — место довольно известное. Хотел бы кое-что пояснить — потом, когда буду рассказывать Мине о своем путешествии, эти заметки помогут мне лучше все вспомнить.

В Трансильвании живут в основном четыре народа: на юге — саксонцы вперемежку с потомками даков — валахами; на западе — мадьяры; на востоке и севере — секлеры. Я нахожусь среди секлеров, считающих своими предками Аттилу и гуннов. Возможно, так оно и есть: когда мадьяры в XI веке завоевали эту область, она была заселена гуннами.

Я читал, что все существующие на свете суеверия сосредоточились в подкове Карпатских гор, как будто эта местность — эпицентр некоего водоворота фантазии. Если действительно так, то мне здесь будет интересно. (Не забыть поподробнее расспросить об этом графа.)

Спал я плохо и, хотя постель была довольно удобной, мне снились какие-то странные сны. Может быть, оттого, что всю ночь под окном выла собака, или же из-за острой пищи выпил целый графин воды, и все равно

мучила жажда. Под утро заснул, и, видимо, крепко, потому что проснулся от настойчивого стука в дверь — наверное, долго не могли добудиться.

7

На завтрак заказал еще паприку, мамалыгу — это такая каша из кукурузной муки, и баклажаны, начиненные мясным фаршем, — замечательное блюдо, называется имплетата. (Надо взять и его рецепт.)

С завтраком пришлось поторопиться: поезд отправлялся около восьми, вернее, должен был отправиться в это время. Примчавшись на станцию в половине восьмого, я больше часа просидел в вагоне, прежде чем состав тронулся с места. Мне кажется, чем дальше на восток, тем поезда менее пунктуальны. Интересно, а как с этим обстоят дела в Китае?

Весь следующий день мы бездельничали, любуясь из окна вагона изумительными пейзажами. Мимо проносились городки и замки на крутых холмах, точно сошедшие с гравюр старинных молитвенников. Судя по широким каменистым берегам, окаймляющим реки и ручьи, тут бывали большие паводки — так очертить сушу могут только мощные потоки воды.

На каждой станции толпились пестро одетые люди. Некоторые из них, совсем как крестьяне на моей родине или во Франции и Германии, были в коротких куртках, круглых шляпах и домотканых штанах, другие смотрелись живописнее. Издали женщины казались красивыми, вблизи же выглядели бесформенными и неловкими в нарядах с пышными белыми рукавами разных фасонов; на многих были пояса с обилием оборок, колышущихся наподобие балетных пачек, и, конечно, на всех — нижние юбки. Но самое странное впечатление своим нецивилизованным видом производили словаки в больших ковбойских шляпах, мешковатых грязно-белых штанах, заправленных в высокие сапоги, белых холщовых рубашках и чудовищных размеров, почти в фут шириной, кожа-

8 ных поясах, густо усеянных медными заклепками. Длинноволосые, с густыми темными усами словаки, несомненно, живописны, но к себе не располагают. На сцене их можно было бы показывать как шайку восточных разбойников из давнего прошлого, однако мне говорили, они совершенно безобидны, и этот их вид, вероятно, естественная форма самоутверждения.

К вечеру мы добрались до Бистрицы, оказавшейся очень интересным старинным городком. Расположен он буквально на границе (от него ущелье Борго ведет прямо в Буковину) и в прошлом жил весьма бурной жизнью, следы которой, пожалуй, видны и ныне. Пятьдесят лет назад в городке было много пожаров, в пяти случаях просто опустошивших его. В самом начале XVII века он выдержал трехнедельную осаду и потерял тринадцать тысяч человек — убитыми и умершими от голода и болезней.

Граф Дракула в своих письмах рекомендовал мне гостиницу «Золотая корона», которая оказалась достаточно старомодной, что не могло не порадовать, ведь мне, конечно же, хотелось узнать как можно больше об обычаях и укладе жизни этого края. Видимо, моего приезда ждали: в дверях меня встретила приветливая, уже немолодая женщина в традиционном крестьянском платье — белой юбке с кокетливо обтягивающим ее двойным длинным передником из цветной ткани. Она поклонилась и спросила:

— Господин англичанин?

— Да, — ответил я, — Джонатан Гаркер.

Женщина приветливо улыбнулась и что-то сказала стоявшему за ней пожилому, в белом жилете мужчине. Он тут же вышел, а когда мгновение спустя вернулся, в руке его было письмо...

«Мой друг, добро пожаловать в Карпаты. С нетерпением жду вас. Сегодня хорошо выспитесь. Завтра в три дилижанс отправится в Буковину; в нем вам заказано

место. На перевале Борго будет ждать мой экипаж, он и доставит вас ко мне. Надеюсь, ваше путешествие из Лондона протекает благополучно и пребывание в моем прекрасном крае окажется для вас приятным.

Ваш друг Дракула».

4 мая

Хозяин гостиницы, сообщив мне, что получил письмо от графа с просьбой заказать для меня лучшее место в дилижансе, на мои расспросы не отвечал, делая вид, что не понимает моего немецкого. Какое лукавство — до этого он все хорошо понимал — по крайней мере, отвечал на мои вопросы. Теперь же он и его жена, та пожилая женщина, что встретила меня, испуганно переглядывались. Он промямлил, что с письмом получил деньги, и больше ему сообщить нечего. На вопрос, встречал ли он графа Дракулу и не может ли рассказать мне что-нибудь о его замке, хозяин гостиницы и его жена лишь перекрестились и от дальнейших расспросов уклонились.

Уже совсем скоро надо было отправляться в путь, и я не успевал расспросить еще кого-нибудь, а все выглядело загадочно и начинало меня тревожить.

Перед самым отъездом ко мне в комнату вошла взволнованная жена хозяина:

— Вам обязательно нужно ехать? О сударь, неужели это так необходимо?

Она была в таком возбуждении, что, изрядно растеряв свой и без того небольшой запас немецких слов, смешивала их со словами другого, незнакомого мне языка. Я понял ее лишь потому, что сам задавал вопросы. Когда я сказал, что должен ехать немедленно — у меня важное дело, она спросила:

— Да знаете ли вы, какой сегодня день?

Я ответил:

— Четвертое мая.

10 Она покачала головой:
— Да это-то ясно! Но знаете ли вы, что это за день? — И, заметив мое недоумение, пояснила: — Канун святого Георгия. Неужели вам не известно — сегодня, когда часы пробьют полночь, вся нечисть этого мира получит власть на земле? Вы хоть знаете, куда едете и что вас ждет?

Было видно, что она очень расстроена, и все мои попытки успокоить ее оказались безуспешными. В конце концов, она упала передо мной на колени и умоляла не ехать или хотя бы отложить поездку на день-другой. Это выглядело довольно нелепо, и все же мне стало не по себе. Но дело есть дело, ничто не могло остановить меня. Я бросился к ней, помог подняться и, поблагодарив за заботу, как можно решительнее сказал, что надо ехать — таков мой долг. Тогда она встала, вытерла глаза и, сняв с себя крест, попросила меня надеть его. Я не знал, как мне быть: я принадлежу к англиканской церкви и привык относиться к таким проявлениям веры как к идолопоклонству, но мне не хотелось обижать отказом пожилую женщину, исполненную самых благих намерений. Видимо, почувствовав мои колебания, она сама надела крест мне на шею и, сказав:

— Носите его ради вашей матери, — вышла из комнаты.

Делаю записи в дневнике в ожидании дилижанса, который, конечно же, запаздывает; крест так и остался у меня на шее. То ли мне передан страх хозяйки гостиницы, то ли вспомнились рассказы о привидениях в этих краях, а может быть, крест тому виной — не знаю, но на душе у меня спокойно. Если этот дневник попадет к Мине раньше, чем мы увидимся, пусть он станет залогом нашей скорой встречи. А вот и дилижанс!

5 мая. Замок

Утро было пасмурным, но вскоре яркое солнце появилось над горизонтом, который выглядит зубчатым из-за деревьев или холмов — издали не различишь. Спать

не хочется, и, поскольку будить меня не станут, **11** намерен писать, пока не усну. Произошло много странного, и, чтобы читатель дневника не подумал, что я слишком плотно поужинал в Бистрице и поэтому у меня галлюцинации, подробно опишу свой ужин. Мне подали блюдо под названием «разбойничье жаркое»: куски бекона и говядины с луком, приправленные красным перцем, нанизывают на прутья и жарят прямо на огне, совсем как конину в Лондоне! Я пил вино «Золотой медиаш». Оно необычно пощипывает язык, но приятное. Выпил лишь пару бокалов, и все.

Когда я сел в дилижанс, кучера еще не было на кóзлах. Он разговаривал с хозяйкой гостиницы — наверное, обо мне: оба то и дело на меня поглядывали; несколько человек, сидевших у двери на скамейке (ее здесь называют «сплетницей»), подошли к ним, прислушались и стали тоже посматривать в мою сторону, в основном сочувственно. В толпе были люди разных национальностей — до меня доносилось множество повторяющихся, странно звучащих слов; я потихоньку достал из сумки свой «Полиглот» и нашел там некоторые слова. Не могу сказать, что они меня порадовали: среди них были «ordog» — «дьявол», «pokol» — «ад», «slregoica» — «ведьма», «vrolok» и «vlkoslak», на сербском и словацком означающие одно и то же: «оборотень» или «вампир». (Нужно будет расспросить графа об этих суевериях).

Наконец дилижанс тронулся, все столпившиеся у входа в гостиницу — а к этому моменту народу собралось довольно много — перекрестились и указали двумя пальцами в мою сторону. Мне с трудом удалось добиться от одного из попутчиков, что это значит: сначала он не хотел отвечать, но, узнав, что я англичанин, объяснил: это особый жест защиты от дурного глаза. И хотя мне стало не по себе, ведь ехал я в незнакомое место к незнакомому человеку, однако доброжелательность,

12 искреннее сочувствие этих людей меня тронули.

Никогда не забуду картину: гостиничный двор, у широких ворот под аркой живописная толпа, все крестятся, а в глубине видны густые заросли олеандра и апельсиновые деревья в зеленых кадках. Потом наш кучер, заполонивший своими широкими холщовыми штанами, называемыми здесь «готца», все сиденье на кóзлах, шелкнул длинным кнутом над четырьмя маленькими лошадками, и те дружно взяли с места.

Любуясь красотами природы, вскоре я совершенно забыл о своих смутных опасениях; возможно, если б мне был известен язык, или, вернее, языки, на которых говорили мои попутчики, я не смог бы так отвлечься. Перед нами расстилалась зеленая, покрытая рощами и густыми лесами местность, вдали вздымались высокие холмы, увенчанные островками деревьев или фермами, белые остроконечные фронтоны которых были видны с дороги. Поражало изобилие цветущих фруктовых деревьев — яблонь, слив, груш, вишен; видно было, что трава под деревьями усыпана лепестками. Наш путь, изгибаясь, теряясь в зелени, появляясь на опушках сосновых лесов, сбегавших по склонам, как языки пламени, пролегал меж зеленых холмов *Mittel Land*^{*}, как здесь ее называют. Дорога была неровная, но мы мчались по ней с лихорадочной скоростью. Тогда я не понимал причины этой гонки, но кучер явно спешил и хотел добраться до ущелья Борго как можно скорее. Очевидно, дорогу еще не успели привести в порядок после зимы; мне говорили, что летом она в отличном состоянии и существенно отличается от других карпатских дорог, о которых по старой традиции не слишком-то заботятся. Раньше господа предпочитали не чинить их, опасаясь, как бы турки не усмотрели в этом намерения облегчить доступ войскам союзников, — это могло привести к развязыванию войны, вероятность которой всегда была велика

^{*} Средняя земля (нем.).

За зелеными крутыми холмами Mittel Land величественно возвышались Карпаты, покрытые могучими лесами. Горы вздымались по обе стороны дороги, и после полудня солнце ярко освещало все великолепие красок этой изумительной горной цепи: темно-синие и пурпурные гребни, зеленую и коричневую траву на скалах и бесконечную вереницу зубчатых скал и острых утесов, терявшихся вдаль, где царственно высились снежные пики. Кое-где виднелись громадные расселины, и в лучах клонившегося к закату солнца серебрились струи водопадов. Один из спутников тронул меня за руку, когда мы обогнули подножие холма и после гонки по серпантинной дороге открылся вид на величественную снежную горную вершину, возникшую как бы прямо перед нами:

— Посмотрите! Isten szek! Обитель Бога!

И он благоговейно перекрестился.

Мы продолжали наше, казалось, нескончаемое путешествие по извивающейся дороге, а солнце позади нас опускалось все ниже и ниже; начали стгущаться сумерки. Они особенно ощущались по контрасту с еще освещенной заходящим солнцем снежной вершиной, окрашенной нежным розовым цветом. Время от времени мы встречали местных жителей — чехов и словаков — в живописных одеждах. Я заметил, что многие из них страдают зобом. Вдоль дороги было много крестов, и при виде их мои спутники часто крестились. Порой перед распятиями стояли на коленях крестьянин или крестьянка, так глубоко погруженные в молитву, что не реагировали на наше приближение, они как будто не замечали ничего вокруг. Многое здесь было мне в диковинку: например, скирды сена на деревьях, дивные островки плакучих берез — их белые стволы мерцали серебром сквозь нежную зелень листвы. То и дело нам встречались *leiter-wagon** — примитивные длинные

* Телега с решетчатыми бортами; арба, фура (нем.).

14 змеевидные крестьянские арбы, рассчитанные на ухабы. На них размещалось довольно много возвращавшихся домой крестьян: чехов — в белых и словаков — в крашенных тулупах; словаки держали, как копья, свои топорики с длиннющими топорщами.

С наступлением вечера становилось холоднее, сгущавшиеся сумерки окутывали непроглядной пеленой купы деревьев — дубов, буков, сосен, хотя в долинах, пролегавших меж отрогов холмов на нашем пути вверх по ущелью, на фоне залежавшегося снега четко вырисовывались темные ели. Иногда дорога проходила через сосновый бор, и казалось, что могучие ветви смыкаются над нами; тогда непроглядный мрак производил особенно таинственное и зловещее впечатление, вновь невольно вызывавшее жуткие мысли и фантазии, уже приходившие на ум раньше, когда в лучах заходящего солнца возникали похожие на призраки облака, бесконечной чередой несущиеся над карпатскими долинами.

Холмы местами были такими крутыми, что, несмотря на все старания кучера, лошади могли двигаться только шагом. Я хотел сойти и, как это принято у меня на родине, взять их под уздцы и повести шагом, но кучер об этом и слышать не желал.

— Нет-нет, — возразил он, — вам не следует здесь ходить, тут полно свирепых собак. — И, обернувшись к остальным пассажирам, добавил, явно рассчитывая на одобрение своей мрачной шутки: — Сдается мне, вас ждет еще немало сюрпризов, прежде чем вы ляжете спать.

Остановился он лишь однажды — чтобы зажечь фонари.

Когда стемнело, пассажиры заволновались и один за другим стали просить кучера ехать быстрее. Безжалостными ударами длинного кнута и дикими криками он погнал лошадей, они помчались во весь опор. Потом

в темноте я увидел впереди полосу серого света — будто холмы расступились. Волнение среди пассажиров нарастало; шаткий дилижанс подпрыгивал на высоких рессорах и раскачивался во все стороны, как шхуна в бурном море. Мне пришлось крепко держаться. Затем дорога выровнялась, мы словно летели по ней. Горы обступили нас вплотную и словно излучали неприязнь; мы въехали в ущелье Борго.

Некоторые попутчики предложили мне подарки, да так настойчиво, что отказаться было невозможно: подарки эти, необычные и разнообразные, преподносились искренне и сопровождались добрым словом и жестами, которые я уже наблюдал у гостиницы в Бистрице, — дарители крестились и отмахивались от дурного глаза. А тем временем мы мчались дальше, кучер подался всем телом вперед, а пассажиры, высунувшись из дилижанса, всматривались в темноту. Впереди происходило или ожидалось что-то необычайное, но, как я ни расспрашивал попутчиков, никто мне ничего не объяснил. Всеобщее волнение нарастало до тех пор, пока мы наконец не увидели перевал, открывавший дорогу на восточную сторону. Клубившиеся над головой тучи и духота предвещали грозу. Казалось, горная цепь была границей, за которой мы попали в грозовую атмосферу.

Я вглядывался в дорогу в ожидании экипажа, который должен был отвезти меня к графу, каждую минуту надеясь увидеть свет фонарей, но впереди было темно. Единственным источником света оставались наши собственные фонари, раскачивавшиеся из стороны в сторону; в их неверных лучах белым облаком подымался пар от уже изрядно уставших лошадей. Можно было разглядеть песчаную дорогу — и никаких признаков экипажа на ней. Пассажиры откинулись на сиденья со вздохом явного облегчения, словно в насмешку над моим разочарованием. Я уж было призадумался, что предпринять, как вдруг ку-